

УДК 37.06(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.21

Т. С. Полякова

В. Е. Пырков

К творческой биографии Д. Д. Мордухай-Болтовского: тема учащейся молодежи в публицистике 1917—1918 гг. и влияние общественных организаций на образование в первые десятилетия советской власти

В статье проведен анализ значительной части публицистики выдающегося ученого-энциклопедиста и видного деятеля высшего математического образования России Д. Д. Мордухай-Болтовского, касающейся студенчества и его роли в образовании в первый постреволюционный период. Выявлены принципы, на которых Мордухай-Болтовской предлагал строить взаимодействие студенческих организаций и профессорско-преподавательского состава. Описан унизительный процесс «общественного пересмотра научных работников», которому подвергся выдающийся ученый в 1930-е гг. Введена в научный оборот публикация Д. Д. Мордухай-Болтовского «Об ученических и студенческих организациях». Оценена катастрофичность положения в высшем и гимназическом образовании России 1917—1918 гг.

Ключевые слова: публицистика, постреволюционный период, студенческие организации, воспитание, лабораторная система обучения, математическое образование, Д. Д. Мордухай-Болтовской.

Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской (1876—1952) — ученый-энциклопедист, видный деятель отечественного математического образования первой половины XX в. Он является основателем научной математической школы и высшего математического образования на Дону, если не на всем Северном Кавказе.

Его жизни и деятельности начиная с 1970-х гг. посвящено немало публикаций (напр. [2; 8; 21; 22]). В самом конце XX века вышла в свет замечательная книга А. В. Родина, отражающая подход ученого к триаде «Философия — Психология — Математика» [3]. Материалы солидной по объему книги (560 с.), как отмечает составитель, впервые публикуются для широкого ознакомления. Сочинения самого Д. Д. Мордухай-Болтовского предваряются очерком жизни и деятельности ученого, который назван А. В. Родиным «Философская математика Дмитрия Дмитриевича Мордухай-Болтовского». В нем представлены некоторые материалы биографического характера, которые ранее не были известны.

С началом XXI века наблюдается острый интерес к истории нашей страны, в том числе к истории науки и деятельности ее выдающихся представителей. Проявляется интерес к взглядам Д. Д. Мордухай-Болтовского на проблемы методики преподавания математики [9], одним из авторов этой публикации защищена диссертация о методическом наследии ученого и его использовании в современном математическом образовании [14]. Публикуются работы биографического характера [17], статьи о научной школе Мордухай-Болтовского [10; 11; 16; 18], его роли в становлении высшего математического образования на Дону [10; 11; 15; 16], эпистолярном наследии [20], работах по математической биологии [19].

Кроме того, как удалось установить М. Б. и Ю. С. Налбандян¹, а также одному из авторов этой статьи В. Е. Пыркову, Д. Д. Мордухай-Болтовской активно занимался публицистической деятельностью, которая практически забыта и никогда не подвергалась, насколько нам известно, детальному анализу. В архивах Ростовской области найдены

¹ Подробнее см.: [12, с. 333—334].

публицистические статьи выдающегося ученого первого постреволюционного периода, в частности, посвященные проблемам воспитания учащейся молодежи [4—7]. Они напечатаны в газете «Ростовская речь» в декабре 1917 — январе 1918 г.

Авторы этой статьи поставили перед собой задачу ввести публицистику Д. Д. Мордухай-Болтовского 1917—1918 гг. в научный оборот. Общий ее обзор опубликован нами в известной серии «Историко-математические исследования» [12], тема «Интеллигенция и революция» раскрыта в статье [13].

Обратимся к анализу тех газетных статей, которые посвящены проблемам учащейся молодежи [4—7], с целью глазами выдающегося ученого и видного деятеля математического образования Мордухай-Болтовского осознать проблемы, актуальные в первый постреволюционный период.

«Буква Ъ»

Значительное внимание в публицистике Д. Д. Мордухай-Болтовской уделяет молодому поколению, его воспитанию. Прежде всего эти проблемы освещены в газетной статье «Буква Ъ» [4], написанной в начале декабря 1917 г. После зверств «дезорганизованной солдатской массы», «московской резни интеллигенции» и «разрушения святынь», считает автор, ситуация близка к потере «самого дорогого нашему сердцу: чести нашей родины, наших культурных богатств, нашей молодежи»¹.

Но этот трагический процесс, как практически всегда бывает в истории, сопровождается, по мнению автора статьи, фарсом, примеры которого с сарказмом приводит Д. Д. Мордухай-Болтовской: «Вот молодой присяжно-поверенный... в роли главнокомандующего десятиmillionной армией, при столкновении с врагом совершающий опереточный побег с переодеванием. Безграмотный солдат в роли командира полка по избранию... Служитель — в должности директора Эрмитажа...».

Автор находит яркий образ, символ этого фарса в области образования — исключение из алфавита буквы ять². Он сравнивает этот процесс с войной «между двумя партиями, ученической и учительской, учителя отстаивали ять, ученики шли против нее». Победили, как считает Д. Д. Мордухай-Болтовской, ученики «вместе с социалистами». Это зачастую приводит к курьезам: «выгнанная из тетради ученика, она попадает на доску учителя, который с веселым смехом должен извиниться перед учениками за сделанную “ошибку”, объяснив, что он так, как и они, еще учится “новому правописанию”».

Заметим, что у невнимательного или плохо знающего историю России и отечественного образования читателя может возникнуть впечатление, что Мордухай-Болтовской полемизирует с захватившими власть чуть более месяца назад большевиками. Из текста его статьи вполне отчетливо видно, что это не так. Во-первых, он говорит о победе *социалистов*, а это отнюдь не большевики. На самом деле это эсеры (социалисты-революционеры) и блокировавшиеся с ними во Временном правительстве меньшевики. К осени 1917 г. они занимали в нем определяющие посты — председателя правительства, министра земледелия (вопрос земли был наиважнейшим на этом этапе российской истории), ми-

¹ Так как цитирование газетной статьи не предполагает ссылок на страницы, то здесь и далее приводятся выдержки из указанного в начале пункта источника.

² Вопрос об упрощении русского правописания имеет давнюю историю, очередной виток которой произошел 11 мая 1917 г. и связан с принятием «Постановления совещания при Академии наук под председательством акад. А. А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания», получившего поддержку Министерства народного просвещения при Временном правительстве. 17 мая 1917 г. министерством был разослан циркуляр о введении новых правил правописания с нового учебного года. Реформа была принята неоднозначно, и многие школы по решению педагогических советов продолжали применять традиционное правописание. Окончательный запрет на использование буквы Ъ связан с Постановлением Высшего совета народного хозяйства от 14 октября 1918 г. «Об изъятии из обращения общих букв русского языка».

нистра внутренних дел. Во-вторых, большевикам в тот период было не до буквы «ять» и образования вообще. Первый нормативный документ об образовании был принят советским правительством почти через год после публикации статей Мордухай-Болтовского.

Вернемся к анализу статьи Мордухай-Болтовского. Он отмечает, что интеллигенция опять жестоко обманулась в своих ожиданиях и надеждах не только на «невежественную массу», но и на победившую власть. Вот как характеризует эти ожидания в близкой для него области деятельности — образовании — Мордухай-Болтовской:

- об образовательной школе: «Мы... думали, что министерство народного просвещения свободной России раскроет двери средней школы если не всем детям бедных классов, то наиболее способным... Думали, что... правительство позаботится и об учителе, улучшив его материальное положение...»;

- о высшем образовании: «Мы наивно рисовали в своем воображении студенческие общежития... Ждали также внимания к молодым ученым, большее число стипендий для оставленных при университете... Наше забегающее вперед воображение создавало столько академий наук, столько университетов...».

Вместо всего этого — смехотворное по своей мелочности изгнание буквы ять. По мнению Д. Д. Мордухай-Болтовского, «распалившаяся ять» заставляет учителя «заняться революционной переделкой Пушкина или Гоголя». Это, как считает ученый, может привести к тому, что «окажется отмененным и авторитет¹ учителя... вера ученика в учителя», наконец, вера в то, что закон «является правилом непреложным».

Ученый полагает, что в том же ряду и так называемые «матросские университеты», название которых говорит само за себя. И проект автономии средней школы, который ставит ее в абсолютную зависимость от создаваемых органов, руководящих ею. В них входят «в преобладающем числе представители совета солдатских и рабочих депутатов и всевозможных политических и профессиональных организаций, учителя же только от профессионального союза, один родитель и ни одного профессора». Таким образом, руководство образованием берут на себя непрофессионалы, зачастую преследуя чисто политические цели.

Д. Д. Мордухай-Болтовской констатирует, что «революционный пожар сжег все старые постройки, но ничего не создал. Перед нами великая задача строительства». Он задается вопросом, можно ли в создавшихся условиях мелких и смешных реформ создать «Новую Россию»? И делает вывод, что вероятность этого невысока. Мы, его потомки, знаем, что Новая Россия прошла нелегкий, полный опасностей, великих трагедий и не менее великих побед путь, вновь сожгла все старые постройки и опять создает «сверхновую» Россию.

«Об ученических и студенческих организациях»

Гротескный образ «буквы ять» витает и в следующей по времени публикации газетной статье Д. Д. Мордухай-Болтовского «Об ученических и студенческих организациях» [7] (декабрь 1917 г.). В начале статьи он, как и в предыдущей публикации, говорит о будущей эпохе созидателей, которая в конечном итоге должна сменить актуальную для того времени эпоху разрушения. Ученый считает, что среди проблем, поставленных революцией перед Россией, одна из важнейших и труднейших педагогических проблем — проблема студенческих и школьных организаций. Он не противник их, но приводит красноречивые и убедительные примеры последствий чрезмерной и непрофессиональной активности ученических и студенческих организаций. «Вспомним, — пишет он, — осеннее резкое

¹ Все выделения в цитатах здесь и далее (кроме подзаголовков) авторские, выполнены Д. Д. Мордухай-Болтовским.

посягательство на автономию совета Донского университета со стороны студенческого революционного комитета и весеннее анекдотическое требование того же комитета передать ключи от университетских помещений студенту, намеревавшемуся совместить в себе должности ректора, проректора, смотрителя зданий и швейцара». К этому же ряду он относит и деятельность «подавляющего большинства научных студенческих кружков в том случае, если вся инициатива передана в руки молодежи» без руководства профессурой.

Такого рода деятельность автор статьи не без оснований считает разрушительной, в то время как созидательная деятельность подобных организаций, по его мнению, ограничивается, как правило, только теми случаями, «когда речь идет о материальной взаимопомощи». Отдавая должное жизненной энергии молодежи, Мордухай-Болтовской замечает, что «их порывам приходится разбиваться об их неопытность, их незнание», искаженное представление о том, что «как вся жизнь, так и педагогическое, административное и хозяйственное дело школы» чрезвычайно просты.

Поэтому он считает, что «не может быть и речи о праве **решающего** голоса студентов в факультете, гимназиста в педагогическом совете», однако полагает возможным привлечение студентов, в его терминологии, к «информационно-совещательной деятельности» по чисто педагогическим вопросам, особенно настаивая при этом на условии «**серьезного** и совершенно **внепартийного** отношения к делу». Последний тезис Д. Д. Мордухай-Болтовской развивает особо, утверждая, что «совершенно бессмысленно производить туда [в педагогические комитеты. — Т. П., В. П.] пропорциональные выборы от различных студенческих политических партий». К тому же часто студенты и гимназисты оправдывают плохие результаты учебы, пропуски занятий необходимостью тратить много времени на заседания комитетов.

Ученый замечает: «чувствуется, что молодежь ищет, куда истратить запас молодой энергии, в ней заложенной, но не находит выхода» в силу неопытности, незнания, которые зачастую ею не осознаются. Педагогические, административные и хозяйственные вопросы кажутся молодежи «делом чрезвычайно простым». Дмитрий Дмитриевич приводит в качестве примера фрагмент заседания объединенного родительского комитета одной из школ, где противопоставлялась система образования Франции российской. На заседании категорически утверждалось, что французская система значительно свободнее и прогрессивнее системы, сложившейся в нашей стране, не зная «о деспотизме централизации школьного управления во Франции с крайним бюрократизмом и чрезмерно строгим режимом, отсюда вытекающим».

В качестве выхода из создавшегося положения автор статьи предлагает двустороннее движение. С одной стороны, молодежь должна осознать свою неопытность, неподготовленность к решению сложных, зачастую тонких проблем образования, необходимость помощи старшего, более опытного поколения. С другой стороны, преподаватели должны сойти с точки зрения трусливой политики соглашательства со школьными революционными организациями и перейти на «точку зрения **чисто педагогическую**».

В анализируемой статье Д. Д. Мордухай-Болтовской не только иронизирует вплоть до сарказма и критикует создавшееся положение, он конструктивен, предлагая достаточно оригинальные принципы взаимодействия администрации, профессорско-преподавательского состава и педагогического комитета, образованного студентами. Выделим их из текста статьи.

Первый принцип деятельности педагогических комитетов сформулирован Мордухай-Болтовским совершенно категорически: «**равенство учителей и учеников, профессоров и студентов — совершенный абсурд**». Чувство преподавателя к обучаемому

«должно быть любовью учителя к ученику, приближающееся к отеческому, а не к братскому чувству».

Второй принцип — «не может быть и речи о праве **решающего** голоса студентов в факультете, гимназиста в педагогическом совете». Существуют вопросы, которые могут решаться совместно со школьными или студенческими организациями. Так, совместно-му обсуждению, а тем более самостоятельному решению этих организаций не может быть подвергнута проблема «о сокращении программы какого-либо предмета, но может быть обсуждаем вопрос о средствах для ее осуществления...». При этом обсуждению не может быть подвергнута «ценность преподавателей».

Третий принцип — необходимость учета мнения обучающихся. Этому принципу Д. Д. Мордухай-Болтовской придает особое значение, выделяя те проблемы, которые могут обсуждаться совместно со студентами. Особенно, считает автор, это важно при решении некоторых организационных вопросов. Например, сроки экзаменов, степень затруднений в овладении конкретным предметом.

Необходимость учета мнений другой стороны Д. Д. Мордухай-Болтовской подтверждает следующим примером из собственной практики преподавания в одном из технических вузов. При введении предметной системы «началось раздувание курсов профессорами». Это привело к тому, что «общая сумма страниц достигла таких размеров, что даже хороший студент не мог их одолеть в положенный предметной системой шестилетний срок». В этом случае, считает ученый, необходимо было пользоваться «статистическим материалом, который мог быть представлен только слушателями». Предполагался учет статистических данных о трудозатратах студентов.

Мнение студентов необходимо учитывать и при распределении «лекций и практических занятий, которые растянулись от 8 часов утра до 9 часов вечера». Даже лучшие студенты, подчеркивает Дмитрий Дмитриевич, жаловались ему на невозможность посещения всех занятий.

Д. Д. Мордухай-Болтовской считает необходимым обсуждать со студентами и некоторые чисто педагогические проблемы. В качестве примера он приводит вопрос «о введении новых курсов, особенно желательных для большинства слушателей». Предлагается и обсуждение новых форм обучения, например собеседований. Автор статьи считает, что такого рода формы «могут быть допущены временно, как **опыты**, даже в случае кажущейся для преподавателей бесполезности, так как и в этом случае может получиться некоторый положительный результат в смысле приведения учащихся к **большей сознательности**, к убеждению, что прежние формы при всех их недостатках пока являются единственно возможными». Эта оговорка свидетельствует о том, что сам ученый и педагог является приверженцем классических форм обучения. Далее мы покажем, как это отразилось на педагогической деятельности самого Д. Д. Мордухай-Болтовского.

Учет мнения студентов, их совместная деятельность с преподавателями, которую автор статьи называет информационно-совещательной, возможны и в старших классах школы, «хотя, конечно, в значительно более узких границах».

Четвертый принцип гласит о том, что «**педагогические комитеты**, образованные учащимися для обсуждения педагогических вопросов и, пожалуй, больше для собирания материалов, должны быть совершенно независимыми от политических». Поэтому Мордухай-Болтовской считает, что нельзя проводить пропорциональные выборы от различных студенческих политических партий. В педагогические комитеты, по его мнению, должны быть избраны те студенты, которые могут принести наибольшую пользу «не в смысле срывания различных экзаменационных льгот, а в смысле улучшения дела преподавания».

Цель такого рода педагогических комитетов состоит, — пишет Д. Д. Мордухай-Болтовской, — не в «захвате власти, находящейся в руках преподавателей, а в **постепенном завоевании доверия**, которое может достигнуть такой высоты, что совещательный голос делегатов от учащихся в некоторых делах de facto получит ту же силу, что решающий голос преподавателя».

Резюмируя, Мордухай-Болтовской выделяет три основных момента в деятельности педагогических советов:

- 1) выработка конкретных, хорошо мотивированных предложений и планов действий «в своем кругу»;
- 2) обсуждение совместно с администрацией факультета того органа, куда должно быть внесено это предложение;
- 3) совместное обсуждение предложения студентов в выбранном органе.

В средней школе, как считает автор статьи, такие предложения, прежде чем попасть в педагогический совет школы, могут обсуждаться в родительском комитете.

На охарактеризованных выше принципах, полагает Д. Д. Мордухай-Болтовской, должна строиться не только система педагогических комитетов, но и другие студенческие (во многом и ученические) организации. В качестве примеров автор статьи приводит комитет материальной взаимопомощи, студенческий суд. Он рекомендует и те сферы деятельности, которыми они должны заниматься.

Так, университетской комиссии, ведающей распределением пожертвований бедным студентам, целесообразно работать со студенческим комитетом материальной взаимопомощи. Последний, по мнению Д. Д. Мордухай-Болтовского, должен собирать «правдивый материал, относящийся к бедствующим студентам», а также вырабатывать конкретные меры по улучшению их материального положения. После этого совместно с университетской комиссией необходимо прикладывать усилия для реализации этих мер.

Интересно, что особое воспитательное значение Д. Д. Мордухай-Болтовской придает студенческому суду. Он предостерегает о возможной опасности этого органа в случае его обвинительного уклона и считает, что студенческий суд должен стать составной частью «**этико-воспитательной организации**». Автор анализируемой статьи считает, что такой организацией может стать «**этико-воспитательный комитет**, задающийся целью этического самовоспитания». Суд в этом случае рассматривает только этические проступки. Предложения этико-воспитательного комитета могут обсуждаться совместно с соответствующей преподавательской организацией. Отдельные наказания по «приговору» такого суда могут осуществляться самими студентами.

Более того, Д. Д. Мордухай-Болтовской расширяет рамки воспитательного воздействия на студентов, считая, что возможна деятельность эстетическо-воспитательного (с целью эстетического воспитания) и даже «физическо-воспитательного» комитета.

Статья заканчивается оценкой роли профессора университета. «Профессора-лектора сменил, — пишет Д. Д. Мордухай-Болтовской, — профессор-ученый, который теперь постепенно эволюционирует в профессора-учителя». В перспективе же — «профессор-воспитатель, а университеты — учреждения высшего интеллектуального, этического, эстетического и даже физического воспитания и самовоспитания».

Надо сказать, ученый очень большое значение придавал воспитанию. Практически предложенные им принципы взаимодействия администрации, профессорско-преподавательского состава и педагогического комитета, образованного студентами, направлены на воспитание студентов.

Стоит отметить, что по прочтении статьи «Об ученических и студенческих организациях» может возникнуть впечатление о Мордухай-Болтовском как категорическом про-

тивнике процесса демократизации среднего и особенно высшего образования, который опять-таки инициирован Временным правительством¹. Отчасти это так: он против равенства обучаемых и обучающихся, как и права решающего голоса учащейся молодежи. Но он за учет мнения обучающихся в решении чисто педагогических вопросов, приводит достаточно убедительные примеры таковых. Ученый даже одобрительно отзывается о деятельности студенческого суда, который, по его мнению, должен решать преимущественно этические вопросы.

Надо признать, что у Мордухай-Болтовского имеются основания для того, чтобы процесс демократизации, и прежде всего высшего образования, находился в определенных рамках, так как безбрежная демократизация в других сферах, особенно в войсках, привела чуть более чем за полгода после отречения Николая II к хаосу, разрухе, невиданной прежде жестокости «взбунтовавшихся масс», потере целостности страны. Об этом он пишет в других публикациях цикла, часть из которых проанализирована в наших статьях [12; 13].

«О воспитании народа»

В публицистике Д. Д. Мордухай-Болтовского есть и специальная статья, посвященная воспитанию, которая так и называется «О воспитании народа» [6]. Она опубликована 14 января 1918 г. в газете «Ростовская речь». Ее продолжение напечатано в той же газете спустя неделю, но почему-то названо немного иначе — «Воспитание народа» [5].

Однако речь в этой статье идет не столько о воспитании учащейся молодежи — школьников, студентов, сколько о взрослом человеке. Автор характеризует психологию взрослого необразованного человека, сравнивает ее с детской психикой и делает вывод о том, что методы и приемы воспитания, которые эффективны для ребенка, неприемлемы для невежественного взрослого. «**Всякая культурно-просветительская деятельность среди взрослого некультурного народа обыкновенно обращается в пропаганду, не дает новых идей, но вместо этого усиливает эмоциональные элементы уже имеющихся в неспособном к дальнейшему развитию интеллекте идей...**». Поэтому Д. Д. Мордухай-Болтовской считает, что вместо воспитания, просветительства необходимо сообщать полезные, чисто практические знания той сферы деятельности, которой занимается взрослый человек.

Так как эти статьи выходят за пределы тематики нашей публикации, не будем подвергать их детальному анализу.

Таким образом, в газетных статьях первого постреволюционного периода Д. Д. Мордухай-Болтовской подвергает острой критике образовательную политику, основы которой заложены еще Министерством народного просвещения Временного правительства. Но его не все устраивает и в первом нормативном документе об образовании советского правительства — «Положении о единой трудовой школе РСФСР», опубликованном почти год спустя после анализируемых газетных статей ученого, 16 октября 1918 г. Это «Положение...» утверждало единую систему образования, общее обязательное бесплатное обучение. Но вместе с тем упразднялось предметное обучение, вводилась лабораторная система и проектное обучение. Публикации Мордухай-Болтовского на эту тему отсутствуют, но ученый активно противится введению новых методов обучения, что является из заключительной части этой статьи, в которой речь идет об общественной организации в лице общего собрания научных работников, студентов, рабочих и служащих университета. Выступающие подвергают резкой критике педагогическую деятельность

¹ Заметим, что подавляющая часть из подготовленных Министерством народного просвещения и Государственным комитетом по образованию при нем законопроектов так и не была доведена до стадии законов.

Мордухай-Болтовского, в том числе его нежелание переходить на лабораторную систему обучения.

Заметим, что это собрание состоялось в 1930-м г., а вскоре был принят второй важнейший нормативный документ — постановление ЦК ВКП(б) 1931 г. «О начальной и средней школе», которое положило конец лабораторной системе и методу проектов и вернула отечественную школу на путь предметного обучения.

Общественный пересмотр научных работников

Одним из авторов этой статьи введен в научный оборот заслуживающий внимания документ [14, с. 259—265], характеризующий, во что вылилось то обилие общественных организаций, которые описаны в статье [7], и какие вопросы обсуждали эти организации.

Имеется в виду «Протокол № 7 общего собрания научных работников, студентов, рабочих и служащих педфака СКГУ¹, посвященного общественному пересмотру научных работников» от 22 мая 1930 г. [1]. Из самого названия протокола следует, что идея Мордухай-Болтовского о совместном решении педагогических проблем реализовалась через 12 лет после публикации статьи «Об ученических и студенческих организациях» в несколько пугающих объемах. Общее собрание предполагало участие в нем не только преподавателей и студентов, но и рабочих и служащих педагогического факультета Северо-Кавказского государственного университета. Поражает и количество участников собрания — 706 человек. В повестке дня — отчет о научно-педагогической деятельности «проф. Мордухай-Болтовского».

Отчет Д. Д. Мордухай-Болтовской начал с краткой характеристики своей семьи, образования и учебных заведений, в которых ему довелось работать. Основное внимание в отчете уделено, естественно, научно-педагогической деятельности. Сначала он описал условия своей работы, которые ярко характеризуют положение ученого и преподавателя того времени: «Работал я и в хорошей обстановке — при электрическом свете и мягкой мебели, и в подвале при коптящей лампе, работал в мягком вагоне и в вагоне 4 класса» [14, с. 260].

Что касается количества научных работ — «...я не скажу. Это большого значения не имеет, важно качество, характер работы» [14, с. 260]. Ученый перечисляет свои знаменитые математические работы — «Абель интегралы», «Интегрирование в конечном виде», «Об интегрировании трансцендентных функций». Подчеркивает, что «больше всего — 16 лет — я работал над историей математики. Доказать несправедливое отношение к средневековью — была моя мечта» [14, с. 260].

Об учениках: «...это понятие довольно неопределенное. Если говорить об учениках, которые меня слушали, то их тысячи. Есть немало и таких учеников, которые напечатали свои работы, являющиеся продолжением моих исследований или сопровождающиеся моим руководством» [14, с. 260].

Далее Д. Д. Мордухай-Болтовской предвосхищает те обвинения, которые могут ему предъявить. Чем не суд? Что же это за обвинения и каково отношение к ним ученого?

1. Непопулярность изложения. Это обвинение преследовало его всю жизнь. Дмитрий Дмитриевич признает, что оно объективно: «Я вполне справедливо обвинен в непопулярности изложения преподаваемого материала» [14, с. 260]. Но тут же объясняет, что это делается им «ради создания цельного, методологически выдержанного курса», который не может быть воспринят всей аудиторией.

2. Неприятие новых методов преподавания. Тут имеются в виду, по всей видимости, метод проектов и лабораторная система обучения, активно внедрявшиеся в то время во все типы учебных заведений. Мордухай-Болтовской поясняет, что он был не против но-

¹ СКГУ — Северо-Кавказский государственный университет.

вых методов, но он за постепенное их введение, не в середине года, а в начале курса. «Теперь я — защитник того, чтобы к лекциям не возвращаться» [14, с. 260]. Тут знаменитый ученый лукавит: всю свою жизнь он читал лекции, не без основания видя в них основной метод обучения в вузе, который и сейчас не потерял своей актуальности.

После выступления Мордухай-Болтовского присутствующие на собрании стали задавать вопросы. Практически все они носили политизированный характер. Например: «Каково Ваше участие в социалистическом строительстве?», «Как Вы приняли Октябрьскую революцию?», «Как Вы относитесь к пролетаризации вузов?», «Интересовались ли Вы политическими вопросами?». На эти вопросы Дмитрий Дмитриевич отвечал кратко, часто уклончиво, однако особо подчеркивая свою аполитичность.

Единственное исключение — ответ на вопрос «Как Вы относитесь к религии?». Позволим себе привести его полностью:

«Этот вопрос, в свою очередь, можно разбить на 3 вопроса:

1. Интересуюсь ли я религией, как таковой.

Да, религией я очень интересовался.

2. Каково мое участие в этой области.

Ни в церковной жизни, ни в антирелигиозной работе участия не принимал.

3. Каковы мои философско-религиозные убеждения.

Мои философско-религиозные убеждения с марксизмом расходились. Это я за собой признаю» [14, с. 261].

Таким образом, позволив себе некоторое отступление от собственных взглядов на методы обучения, Д. Д. Мордухай-Болтовской ни на йоту не поступился своими убеждениями.

Начались прения с выступления заведующего физико-техническим отделением Черняева¹, который в основном положительно охарактеризовал такие направления деятельности профессора Мордухай-Болтовского, как создание геометрического кабинета, который известен как лучший в России², организация математического коллоквиума, плеяду его непосредственных учеников. Особенно хвалебно он охарактеризовал научную деятельность Д. Д. Мордухай-Болтовского. Был высказан и ряд не вполне позитивных оценок, касающихся неприятия им лабораторной системы занятий, ослабления плановой работы по подготовке кадров, взаимоотношений со студентами, в которых присутствовали «прения и конфликты». Общая оценка деятельности профессора Мордухай-Болтовского со стороны заведующего отделением позитивна: «Бюро коллектива считает, что проф. Мордухай-Болтовской является крупным ученым, ценным работником, но используется не рационально» [14, с. 262].

Выступившие после этого студенты в основном критически оценивали деятельность Д. Д. Мордухай-Болтовского. Приведем фрагмент из выступления студента 3 курса Щеглова:

«...По мнению профессора, студент должен быть “маленьким ученым”. Равнение на этих “маленьких ученых” он и держал. Когда вводился лабораторный метод, Д. Д. был против него, утверждая, что этот метод старый, который пережил несколько провалов. Во время занятий профессор часто отвлекался, говорил на различные темы, не относящиеся к математике. Пожелание нашего курса: сбросить Д. Д. Мордухай-Болтовскому с себя мнимую аполитичность. Сделать математику могучим орудием в борь-

¹ К сожалению, его инициалы в протоколе не указаны.

² Некоторые его экспонаты, созданные ученым и его ближайшими учениками, до сих пор сохранились в кабинете теории и методики математического образования одноименной кафедры Института математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета.

бе за социализм, сойти с горных профессорских высот, прислушаться к запросам аудитории и войти в контакт со студенческой массой» [14, с. 262—263].

Из этого фрагмента видно, что недаром Дмитрий Дмитриевич предвосхищал в своем выступлении и ответах на вопросы упреки в непопулярности изложения, т.е. «равнение на маленького ученого»; неприятию лабораторного метода, аполитичности своей деятельности и математики как науки. Аполитичность вызвала особенно резкую критику выступивших. Некто Лозинский заявлял: *«Один греческий философ, определяя человека, сказал: человек политическое животное... С тех пор прошло две с половиной тысячи лет. Однако не для всех научных работников убедительна эта истина... Нужно разоблачить аполитичность и смело перейти к политичности, к общественности» [14, с. 263].*

Но особенно непримирим в отношении аполитичности Д. Д. Мордухай-Болтовского последний из выступающих, некий Соловьев [14, с. 264] (к сожалению, в протоколе не указаны ни его должность, ни инициалы). Он говорит о необходимости «прямой, острой политической борьбы» с аполитичностью, «дружного отпора» развиваемым положениям в этом направлении проф. Мордухай-Болтовского, называя его «ученым-мистиком». Выступающий считает, что «общественное действие на такого типа ученых имеет большое значение». Наконец, оратор всецело поддерживает «пролетаризацию» высшей школы, которую «должен завоевать рабочий класс». Заканчивается выступление парафразом известного стихотворения:

*«Ученым можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан».*

Завершается протокол заключительным словом проф. Мордухай-Болтовского, которое мы позволим себе привести полностью:

«Ко мне часто обращались студенты с вопросами философского характера. Я отвечал, отвлекаясь от основной темы. Теперь я этого буду избегать. Когда была введена лабораторная система занятий, я растерялся. Я был против введения ее в середине года.

Нет сомнения, будут выработаны новые сокращенные программы, будет лучше. “Маленьких ученых” мне до глубины души жаль, так как они часто оказываются в несчастном положении» [14, с. 265].

Протокол на этом обрывается. Какое окончательное решение принято общим собранием, к сожалению, неизвестно. Представляется, что пережить такую «чистку» маститому ученому с мировым именем, основателю научной математической школы и математического образования на Дону, было непросто. Ему пришлось признавать свои «ошибки», каяться, что достаточно унижительно. Причем самыми яркими его критиками были именно представители студенческих организаций, об эффективности деятельности которых он так заботился еще в 1918 г.

Подведем итоги.

1. Интерес современного общества к отечественной истории, необходимость сопротивления ее фальсификациям вызвали существенный рост публикаций об истории российской науки и ее выдающихся представителях, одним из которых, вне всякого сомнения, является Д. Д. Мордухай-Болтовской.

2. Если научная деятельность Д. Д. Мордухай-Болтовского освещена достаточно основательно, то публицистическая ее сторона оставалась неизвестной, в то время как она была чрезвычайно активной в самое трагическое время существования нашей страны — после революции 1917 г.

3. Публицистика Д. Д. Мордухай-Болтовского 1917—1918 гг. отличается крайней критичностью, временами доходящей до сарказма. Написаны газетные статьи предель-

но эмоционально. В них ощущается тревога за будущее страны, предпринимаются попытки предугадать развитие событий и даже в какой-то мере повлиять на трагический их поворот.

4. Естественно, публицистика Мордухай-Болтовского прежде всего посвящена проблемам, возникшим в постреволюционный период в близких ему сферах — в среде интеллигенции и в области образования.

5. Несмотря на то что толчком к публикации острокритических газетных статей Д. Д. Мордухай-Болтовского послужила Октябрьская революция, он полемизировал не столько с первыми шагами советской власти, сколько с теми образовательными реформами, которые предлагались свергнутому Временным правительством.

6. В самой ранней статье, посвященной проблемам образования, «Буква Ъ» Д. Д. Мордухай-Болтовской перечисляет те проблемы этой сферы, решения которых ждало общество, — доступ всех сословий к образованию, улучшение материального положения учителя, внимание к молодым ученым, расширение сети научных и образовательных учреждений. Вместо этого проводятся в жизнь мелкие реформы типа изъятия из русского письменного языка буквы «ять», принявшее фарсовый характер.

7. Наиболее значимой в образовательной сфере первого постреволюционного времени Д. Д. Мордухай-Болтовской не без основания считает проблему школьных и студенческих организаций, пытающихся взять на себя руководство этой сферой. В статье «Об ученических и студенческих организациях» он описывает разрушительный характер складывающейся тенденции, вскрывает ее причины и формулирует принципы эффективного взаимодействия всех субъектов образования — администрации, профессорско-преподавательского состава и студенческих комитетов. Мордухай-Болтовской выделяет те проблемы, которые должны обсуждаться совместно и носить преимущественно педагогический характер с акцентом на воспитательное воздействие. Воспитанию он придает первостепенное значение, понимая его весьма широко — вплоть до эстетического и даже физического воспитания и самовоспитания.

8. Идея совместного со студенчеством обсуждения педагогических проблем воплотилась в жизнь и в 1930-х гг. обеспечила так называемые «чистки», которые коснулись прежде всего профессорско-преподавательского состава, в том числе и самого Д. Д. Мордухай-Болтовского. Он был подвергнут «общественному пересмотру научных работников», который вылился в оголтелую критику педагогической деятельности Дмитрия Дмитриевича преимущественно со стороны студентов. Ученый с мировым именем вынужден был признавать свои «ошибки» и оправдываться.

Итак, публицистическое наследие Д. Д. Мордухай-Болтовского не только дает представление о взглядах выдающегося ученого на процессы, происходившие в образовании России после Февральской и Октябрьской революций, но и позволяет наблюдать за их развитием в течение первых десятилетий советской власти.

В заключение этой публикации введем в научный оборот наиболее значимую статью Д. Д. Мордухай-Болтовского о студенчестве, проанализированную выше (приложение).

Д. Д. Мордухай-Болтовской

ОБ УЧЕНИЧЕСКИХ И СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ¹

Революция поставила, но отнюдь не решила целый ряд проблем. Правильное решение этих всех задач дело будущего, дело эпохи **созидательной**, которая должна сменить постоянную эпоху разрушения.

В числе их есть одна очень трудная педагогическая проблема: **о школьных организациях**. Я не противник последних, но считаю, что неправильные решения этой проблемы могут оказаться несравненно более вредными, чем полный отказ от их разрешения.

Недалеко ходить за фактами, довольно красноречиво говорящими, к каким скверным результатам может привести неправильная постановка ученических и школьных организаций.

Вспомним осеннее резкое посягательство на автономию совета Донского университета со стороны студенческого революционного комитета и весеннее анекдотическое требование того же комитета передать ключи от университетских помещений студенту, намеревавшемуся совместить в себе должности ректора, проректора, смотрителя зданий и швейцара.

Конечно, в таких случаях деятельность студенческой организации является исключительно **разрушительной**. Что же касается до **созидательной**, то, к сожалению, за немногими исключениями, а именно, пожалуй, только в тех случаях, когда дело идет о материальной взаимопомощи, студенческие организации обнаруживают в этом отношении неспособность и обычная их судьба: провлачив короткое время свое существование, они затем постепенно умирают.

Такова судьба подавляющего большинства научных студенческих кружков в том случае, если вся инициатива передана в руки молодежи, а не происходит непрерывное возбуждение их деятельности профессорами-руководителями.

На днях мне пришлось услышать от педагога жалобу на то, что гимназисты оправдывают непосещение уроков и свою неуспеваемость тем, что много времени идет на заседания комитета средней школы, причем, вне сомнения, в силу признания различными педагогическими организациями не только большого значения этого комитета, но и его **равноправности** с ними в решении педагогических вопросов, этот аргумент является вполне реальным.

Между тем едва ли можно указать хоть какой-либо конкретный положительный результат, достигнутый этим комитетом. Под усвоенной в известных границах формой коллегиальной деятельности скрывается, в сущности говоря, пустота. Вы имеете и председателя, поддерживающего дисциплину, и секретаря, ведущего протоколы, но содержание заседания... в продолжении 1½ часа обсуждение вопроса, можно ли обсуждать в первую очередь вопрос, не поставленный на повестке заседания.

Ясно чувствуется, что молодежь ищет, куда истратить запас молодой энергии, в ней заложенной, но не находит выхода.

Вне сомнения, что у молодежи больше чувства, больше жизненной энергии, чем у нас. Это снаряды, начиненные порохом, которые могут производить путем взрывов работу высокой интенсивности.

Но вместе с тем следует отметить, что их прорывам приходится разбиваться об их **неопытность**, их незнание. И отмечу, что с этим обычно соединяется и совершенно неправильная оценка своих знаний.

Как вся жизнь, так и педагогическое, административное и хозяйственное дело школы представляется молодежи делом чрезвычайно простым.

Молодой ум вместо чрезвычайно сложно сплетенных жизненных проблем видит ряд совсем простых задач, которые он спешит решить с одного размаха, удивляясь недогадливости или нерешительности старших.

Так, в соединенном заседании президиумов объединенного родительского комитета средней школы один из членов последнего в очень категорической форме противопоставил русскую школу французской как несвободную свободной, совершенно не имея представления о деспотизме централизации школьного управления во Франции с крайним бюрократизмом и чрезмерно строгим режимом, отсюда вытекающим.

Только в том случае, если молодежь сознает свою неопытность, необходимость помощи со стороны старших, а последние сойдут с точки зрения **тактической** и трусливой политики, путем временного соглашения с школьными революционными организациями предотвратить всякие неприятности, на точку зрения **чисто педагогическую** — проблема об организациях может быть решена.

Прежде всего — **равенство учителей и учеников, профессоров и студентов — совершенный абсурд**. Профессор, говорящий студенту «товарищ», просто **лжет**, ища у молодежи дешевой популярности.

Если человек сорока-пятидесяти лет любит молодежь, то это чувство должно быть любовью учителя к ученику, приближающееся к отеческому, а не к братскому чувству. Трудно вообразить в голове профессора такой негибкий мозг, а в груди — такое грубое сердце, на которое не наложили бы свой неизгладимый отпечаток 20—30 лет жизни. Старик должен думать и чувствовать иначе, чем молодой.

Поэтому не может быть и речи о праве **решающего** голоса студентов в факультете, гимназиста в педагогическом совете.

¹ Публикуется по [7].

Но отсюда вовсе не следует, что определенные школьные организации не могут принести помощи при решении различных дел, разбираемых в факультетах и педагогических советах.

Вне сомнения, существуют вопросы, обсуждение которых желательно **совместно с учащимися**, но при обязательном условии **серьезного** и совершенно **внепартийного** отношения к делу. Такому обсуждению не может подвергаться вопрос о сокращении программы какого-либо предмета, но может быть обсуждаем вопрос о средствах для ее осуществления при минимуме затраченной энергии. При решении вопросов: какие экзамены удобней: дорожественские или послерождественские, весенние или осенние, важно услышать мнение преподавателя, получить от них определенные сведения. Конечно, обсуждению не подвергается ценность преподавателей, но при определении вынужденных обстоятельствами экзаменационных вопросов важно знать мнение учащихся о степени трудности различных предметов.

Что в иных случаях следовать принципу *audiatur et altera pars* (да будет выслушана и другая сторона) оказывается прямо необходимым, можно доказать следующим примером. По введении предметной системы в одном высшем техническом заведении, в котором я преподавал, как это всегда бывает, началось раздувание курсов профессорами с неизменным в этих случаях аргументом, что студент может сдавать курс когда угодно, и если курс труден, то тогда, когда себя облегчит сдачей других, более легких, экзаменов.

В результате это привело к тому, что общая сумма страниц достигла таких размеров, что даже хороший студент не мог их одолеть в положенный предметной системой шестилетний срок и должен был, не читая литографированных курсов, готовиться по особым конспектам, скрываемым от профессоров.

В разбираемом нами случае при установке предметной системы с соответствующим изменением экзаменационных требований необходимо было пользование статистическим материалом, который мог быть представлен только слушателями, относящимся к количеству затрачиваемого ими на занятие времени, энергии.

Аналогичного типа вопрос возник и относительно распределения лекций и практических занятий, которые растянулись от 8 часов утра до 9 часов вечера и на невозможность посещения которых всех целиком жаловались мне лучшие студенты. Ясно, что и обсуждение расписания занятий желательно также совместно со слушателями.

К числу обсуждаемых совместно со слушателями чисто педагогических вопросов принадлежит также вопрос о введении новых курсов, особенно желательных для большинства слушателей, или особого рода репетиций или собеседований, которые представляются студенчеству особенно желательными. Эти особые формы преподавания могут быть допущены временно, как **опыты**, даже в случае кажущейся для преподавателей бесполезности, так как и в этом случае может получиться некоторый положительный результат в смысле приведения учащихся к **большей сознательности**, к убеждению, что прежние формы при всех их недостатках пока являются единственно возможными.

Такого рода **информационно-совещательная** деятельность учащихся возможна и в старших классах средней школы, хотя, конечно, в значительно более узких границах.

Педагогические комитеты, образованные учащимися для обсуждения педагогических вопросов и, пожалуй, больше для собирания материалов, должны быть совершенно независимыми от политических.

Было бы лишним доказывать, что совершенно бессмысленно производить туда пропорциональные выборы от различных студенческих политических партий. Туда должны попасть те лица, которые будут признаны товарищами способными принести наибольшую пользу не в смысле срывания различных экзаменационных льгот, а в смысле улучшения дела преподавания.

Здесь должна идти речь не о **захвате власти**, находящейся в руках преподавателей, а о **постепенном завоевании доверия**, которое может достигнуть такой высоты, что совещательный голос делегатов от учащихся в некоторых делах *de facto* получит ту же силу, что решающий голос преподавателя.

Такой педагогический комитет не должен совпадать с советом старост, ибо старосты выбираются для самой разносторонней деятельности и при их выборе, не думаю, чтоб руководствовались теми соображениями, которые отвечают назначению такого комитета.

Деятельность комитета разбивается на три момента.

Во-первых, выработка **конкретных, хорошо мотивированных** предложений и определенного плана действий в **своем кругу**.

Второй момент — это обсуждение совместно с президиумом (деканатом и секретарем и т.д.) той педагогической коллегии, куда должно быть внесено идущее от учащихся предложение.

Эта промежуточная инстанция необходима, ибо, считаясь с молодой психологией учащегося, нетрудно видеть, что могут быть предложения, внесение которых в коллегия может создать неприятную психологическую обстановку, которую учащиеся по своей неопытности не могут предвидеть — в этих случаях предложение следует задержать, дав соответствующие объяснения инициаторам.

В иных случаях основательное предложение может оказаться в ненадлежащей форме, которая может быть переработана в этой промежуточной инстанции.

Третий момент — это совместное обсуждение вносимых учащимися предложений в педагогической коллегии в особо для этой цели устраиваемом заседании.

Участие членов педагогического комитета возможно и при обсуждении вопросов, не вносимых учащимися, но тех, по которым педагогическая коллегия найдет полезным их пригласить, причем эти вопросы предварительно предлагаются на обсуждение педагогическому комитету.

В средней школе все вопросы педагогического характера, обсуждаемые в педагогическом совете и доступные обсуждению учащихся, обсуждаются в родительском комитете. Поэтому представляется, что участие членов педагогического комитета в педагогическом совете должно являться **исключительным** явлением.

Предложение педагогического характера должно пройти через родительский комитет раньше, чем попасть в педагогический совет.

Ясное дело, что при такой постановке дела преподаватели и родители в совместной деятельности с учащимися будут не только регулировать их деятельность, но и давать ей здоровую пищу.

По указанному сейчас образцу должны быть построены и другие студенческие (а равным образом и учебные) организации. Университетская советская комиссия, ведающая распределением пожертвований на бедных студентов, должна значительно расширить свою деятельность, работая совместно со студенческим **комитетом материальной взаимопомощи**, куда должны выбираться опять только лица, признанные наиболее способными именно к **этому** делу. Такой комитет собирает правдивый материал, относящийся к бедствующим студентам, и выработывает различные проекты, относящиеся к улучшению их материального состояния. Эти проекты в иных случаях могут осуществляться студенческими силами, в других, проходя упомянутую выше промежуточную инстанцию, идут в советскую комиссию (состоящую из большего числа членов, чем теперь, разделивших определенным образом его функции).

Здесь опять не должно быть захвата власти, а постепенное завоевание доверия, коллективная выработка понятия о чести, не позволяющего относиться к пособиям так, как иногда, как это ни горько признаться, относятся к ним некоторые легкомысленные элементы.

Я придаю особое значение **студенческому суду**, который при правильной постановке может иметь большое **воспитательное** значение. Вне сомнения, в настоящее время такого рода организация при правильной ее постановке может оказаться наиболее опасной. Для правильного решения вопроса следует встать на совершенно непривычную в университете в настоящее время точку зрения, выводящую университетскую педагогику из области **образовательной в воспитательную**.

Такой студенческий суд — составная часть **этико-воспитательной организации**. Членами такого суда выбираются лица, признанные наиболее способными к такой деятельности, они же члены этико-воспитательного комитета. Присяжные заседатели — по жребию. Суд рассматривает только этические проступки. Некоторые наказания могут осуществляться самим студенчеством. Предложения такого этико-воспитательного комитета могут обсуждаться совместно членами комитета с соответствующей преподавательской организацией.

С той же расширенной педагогической точки зрения возможны и **эстетическо-воспитательный** комитет, задающийся целью эстетического самовоспитания, и даже физическо-воспитательный комитет.

Может теперь такого рода деятельности в стенах высшего учебного заведения читателю покажутся смешными, но я твердо уверен в своем пророчестве: лет через сто на всю нашу систему воспитания юношества будут смотреть так, как мы смотрим на средневековую педагогику.

Профессора-лектора сменил профессор-ученый, который теперь постепенно эволюционирует в профессора-учителя.

В далеком будущем — профессор воспитатель, а университеты — учреждения высшего интеллектуального, этического, эстетического и даже физического воспитания и самовоспитания.

Мы сами, действительно, плохие еще воспитатели, о нас еще можно спорить: кто мы — товарищи или учителя? Но мы можем совместной работой с молодежью подготовить почву, на которой если не наши ученики, то ученики учеников дадут таких профессоров, которые уже вне сомнения будут не товарищи, а **учителя** и не только учителя, но и **воспитатели**.

Список использованной литературы

1. Материалы по вопросу общественного смотра профессорского и педагогического персонала (протоколы, резолюции, декларация группы научных работников, отчеты) // ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 94—96.
2. Минковский В. А., Мокрищев К. К., Налбандян М. Б., Хапланов М. Г. Д. Д. Мордухай-Болтовской (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. 1977. В. 3—4 (56—57). С. 102—103.
3. Мордухай-Болтовской Д. Д. Философия. Психология. Математика / сост. А. В. Родин. М. : Серебряные нити, 1998. 560 с.
4. Мордухай-Болтовской Д. Д. Буква Ъ // Ростовская речь. 1917. 8 дек.
5. Мордухай-Болтовской Д. Д. Воспитание народа // Ростовская речь. 1918. 20 янв.
6. Мордухай-Болтовской Д. Д. О воспитании народа // Ростовская речь. 1918. 14 янв.
7. Мордухай-Болтовской Д. Д. Об ученических и студенческих организациях // Ростовская речь. 1917. 21 дек.

8. Налбандян М. Б. О некоторых неопубликованных работах Д. Д. Мордухай-Болтовского // XIII Международный конгресс по истории науки. Материалы по истории физико-математических наук. М. : Наука, 1971. С. 33.
9. Налбандян М. Б., Налбандян Ю. С. Проблемы методики преподавания математики в научно-педагогической деятельности профессора Д. Д. Мордухай-Болтовского // Математика. Экономика. Экология. Образование. VII Междунар. конф. : тез. докл. Ростов-на-Дону : Изд-во РГЭА, 1999. С. 283—284.
10. Налбандян Ю. С. Д. Д. Мордухай-Болтовской и ростовская геометрическая школа // Материалы Международной конференции по алгебре, анализу и геометрии, посвященной юбилеям выдающихся профессоров Казанского университета, математиков Петра Алексеевича (1895—1944) и Александра Петровича (1926—1998) Широковых и молодежной школы-конференции по алгебре, анализу и геометрии. Казань : Изд-во АН РТ, 2016. С. 251—252.
11. Налбандян Ю. С. Мордухай-Болтовской Д. Д. и традиции преподавания математического анализа в Южном федеральном (Варшавском, Ростовском) университете // Математический форум (Итоги науки. Юг России). Исследования по математическому анализу, дифференциальным уравнениям и их приложениям. Владикавказ : ЮМИ ВНИЦ РАН, 2016. Т. 10, ч. 2. С. 214—225.
12. Полякова Т. С., Пырков В. Е. К творческой биографии Д. Д. Мордухай-Болтовского: публицистика 1917—1918 гг. // Историко-математические исследования. Вторая серия. М. : Янус-К, 2007. Вып. 12 (47). С. 333—345.
13. Полякова Т. С., Пырков В. Е. Тема интеллигенции в публицистике Д. Д. Мордухай-Болтовского 1917—1918 гг. // Наука и образование: Известия Южного отделения Российской академии образования и Ростовского государственного педагогического университета. 2004. № 2. С. 142—150.
14. Пырков В. Е. Методическое наследие Д. Д. Мордухай-Болтовского и опыт его использования в современном математическом образовании : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 358 с.
15. Пырков В. Е. Д. Д. Мордухай-Болтовской и становление высшего математического образования на Юге России // Университеты Юга России: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону : Foundation, 2011. С. 272—277.
16. Пырков В. Е. Из истории высшего математического образования на Дону. Научная школа Д. Д. Мордухай-Болтовского // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза : Наука и просвещение, 2016. С. 21—47.
17. Пырков В. Е. Мордухай-Болтовские: отец и сыновья // Научные и педагогические династии Южного федерального университета. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2015. Т. 1. С. 141—162.
18. Пырков В. Е. Научная школа Д. Д. Мордухай-Болтовского: ученики и последователи // Ждановские чтения. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2013. С. 336—351.
19. Пырков В. Е. О работах Д. Д. Мордухай-Болтовского по математической биологии // Труды X Международных Колмогоровских чтений. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 212—216.
20. Пырков В. Е. Эпистолярное наследие Д. Д. Мордухай-Болтовского: переписка с отечественными и зарубежными математиками // Осенние математические чтения в Адыгее. Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. С. 182—189.
21. Саморуков Б. Н., Степанова А. С. Д. Д. Мордухай-Болтовской о зарождении и развитии математических идей (по неопубликованным рукописям) // Историко-математические исследования. М. : Наука, 1993. Вып. 34. С. 184—193.
22. Черняев М. П., Несторович Н. М., Ляпин Н. М. Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской (1876—1952) // Успехи математических наук. 1953. Т. 8, вып. 4 (56). С. 131—139.
23. Nalbandjan Yu. S. O dzialalnosci profesora D. D. Morduchaja-Boltowskiego w Warszawie w latach 1898—1916 // XXII Szkoła Historii Matematyki. Krakow : Wydawnictwo Wydziału Matematyki Stosowanie Akademii Gorniczo-Hutnicze, 1999. S. 162—168.

Поступила в редакцию 09.10.2019

Полякова Татьяна Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор
Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105
E-mail: 46tsp@mail.ru

Пырков Вячеслав Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент
Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105
E-mail: pyrkovve@yandex.ru

UDC 37.06(09)

T. S. Polyakova**V. E. Pyrkov****To the creative biography of D. D. Mordukhai-Boltovskoy: the topic of students in his 1917—1918 journalism and the influence of public organizations on education in the first decade of the Soviet system**

The article reports on the journalism of an outstanding Russian encyclopedist and prominent figure in higher mathematics D. D. Mordukhai-Boltovskoy, relating to students and their role in education in the first post-revolutionary period. The principles that he suggested to build interaction between student organizations and faculty members are identified. The article describes the humiliating process of “public review of academic staff”, which the scientist had to undergo in the 1930s. The scientific work by D. D. Mordukhai-Boltovskoy “On pupil and student organizations” is introduced into scientific circulation. The disastrous state of higher and grammar school education in 1917—1918 is assessed.

Key words: journalism, post-revolutionary period, student organizations, mentoring, laboratory educational system, mathematical education, D. D. Mordukhai-Boltovskoy.

Polyakova Tatiana Sergeevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Southern Federal University
Russian Federation, 344006, Rostov-on-Don, ul. Bolshaya Sadovaya, 105
E-mail: 46tsp@mail.ru

Pyrkov Vyacheslav Eugenievich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Southern Federal University
Russian Federation, 344006, Rostov-on-Don, ul. Bolshaya Sadovaya, 105
E-mail: pyrkovve@yandex.ru

References

1. Materialy po voprosu obshchestvennogo smotra professorskogo i pedagogicheskogo personala (protokoly, rezolyutsii, deklaratsiya gruppy nauchnykh rabotnikov, otchety) [Materials on the public review of professors and teachers (protocols, resolutions, declaration of a group of scientists, reports)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [State Archive of the Rostov Region]. F. R-46. Op. 1. Ed. khr. 404. P. 94—96. (In Russian)
2. Minkovskii V. A., Mokrishchev K. K., Nalbandyan M. B., Khaplanov M. G. D. D. Mordukhai-Boltovskoi (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [D. D. Mordukhai-Boltovskoy (mark the centenary of his birth)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1977, is. 3—4 (56—57), pp. 102—103. (In Russian)
3. Mordukhai-Boltovskoy D. D. *Filosofiya. Psikhologiya. Matematika* [Philosophy. Psychology. Maths]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 1998. 560 p. (In Russian)
4. Mordukhai-Boltovskoy D. D. *Bukva Ъ* [Letter Ъ]. *Rostovskaya rech'*, 1917, Dec. 8. (In Russian)
5. Mordukhai-Boltovskoy D. D. Vospitanie naroda [Education of the people]. *Rostovskaya rech'*, 1918, Jan. 20. (In Russian)
6. Mordukhai-Boltovskoy D. D. O vospitanii naroda [On the education of the people]. *Rostovskaya rech'*, 1918, Jan. 14. (In Russian)
7. Mordukhai-Boltovskoy D. D. Ob uchenicheskikh i studencheskikh organizatsiyakh [On pupil and student organizations]. *Rostovskaya rech'*, 1917, Dec. 21. (In Russian)
8. Nalbandyan M. B. O nekotorykh neopublikovannykh rabotakh D. D. Mordukhai-Boltovskogo [About some unpublished works of D. D. Mordukhai-Boltovskoy]. *XIII Mezhdunarodnyi kongress po istorii nauki. Materialy po istorii fiziko-matematicheskikh nauk* [XIII International Congress on the History of Science. Materials on the history of physical and mathematical sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1971, p. 33. (In Russian)
9. Nalbandyan M. B., Nalbandyan Yu. S. Problemy metodiki prepodavaniya matematiki v nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti professora D. D. Mordukhai-Boltovskogo [Problems of the methodology of teaching mathematics in the scientific and pedagogical activity of professor D. D. Mordukhai-Boltovskoy]. *Matematika*.

Ekonomika. Ekologiya. Obrazovanie. VII Mezhdunar. konf.: tez. dokl. [Mathematics. Economy. Ecology. Education. Abstr. of the VII Intern. conf.]. Rostov-na-Donu, RGEA Publ., 1999, pp. 283—284. (In Russian)

10. Nalbandyan Yu. S. D. D. Mordukhai-Boltovskoi i rostovskaya geometricheskaya shkola [D. D. Mordukhai-Boltovskoy and Rostov Geometry School]. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii po algebre, analizu i geometrii, posvyashchennoi yubileyam vydayushchikhsya professorov Kazanskogo universiteta, matematikov Petra Alekseevicha (1895—1944) i Aleksandra Petrovicha (1926—1998) Shirokovykh i molodezhnoi shkoly-konferentsii po algebre, analizu i geometrii* [Proceedings of the International Conference on Algebra, Analysis and Geometry dedicated to the anniversaries of outstanding professors of Kazan University, mathematicians Pyotr Alekseevich (1895—1944) and Alexander Petrovich (1926—1998) Shirokov and youth school conferences in algebra, analysis and geometry]. Kazan, Izd-vo AN RT Publ., 2016, pp. 251—252. (In Russian)

11. Nalbandyan Yu. S. Mordukhai-Boltovskoi D. D. i traditsii prepodavaniya matematicheskogo analiza v Yuzhnom federal'nom (Varshavskom, Rostovskom) universitete [D. D. Mordukhai-Boltovskoy and the traditions of teaching mathematical analysis at the Southern Federal University (Warsaw, Rostov)]. *Matematicheskii forum (Itogi nauki. Yug Rossii). Issledovaniya po matematicheskomu analizu, differentsial'nym uravneniyam i ikh prilozheniyam* [Mathematical Forum (Science achievements. South of Russia). Studies in mathematical analysis, differential equations and their applications]. Vladikavkaz, YuMI VNTs RAN Publ., 2016, vol. 10, part 2, pp. 214—225. (In Russian)

12. Polyakova T. S., Pyrkov V. E. K tvorcheskoi biografii D. D. Mordukhai-Boltovskogo: publitsistika 1917—1918 gg. [On the creative biography of D. D. Mordukhai-Boltovskoy: journalism of 1917—1918]. *Istoriko-matematicheskoe issledovaniya. Vtoraya seriya* [Historical and mathematical research. Second series]. Moscow, Yanus-K Publ., 2007, is. 12 (47), pp. 333—345. (In Russian)

13. Polyakova T. S., Pyrkov V. E. Tema intelligentsii v publitsistike D. D. Mordukhai-Boltovskogo 1917—1918 gg. [The theme of intellectuals in the journalism of D. D. Mordukhai-Boltovskoy in 1917—1918]. *Nauka i obrazovanie: Izvestiya Yuzhnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii obrazovaniya i Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2004, no. 2, pp. 142—150. (In Russian)

14. Pyrkov V. E. *Metodicheskoe nasledie D. D. Mordukhai-Boltovskogo i opyt ego ispol'zovaniya v sovremennom matematicheskom obrazovanii: dis. ... kand. ped. nauk* [Methodological heritage of D. D. Mordukhai-Boltovskoy and the experience of its use in modern mathematical education. Cand. Dis.]. Rostov-na-Donu, 2004. 358 p. (In Russian)

15. Pyrkov V. E. D. D. Mordukhai-Boltovskoi i stanovlenie vysshego matematicheskogo obrazovaniya na Yuge Rossii [D. D. Mordukhai-Boltovskoy and the formation of higher mathematical education in the South of Russia]. *Universitety Yuga Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Universities of the South of Russia: history and modernity. Proceed. of Internat. sci.-pract. conf.]. Rostov-na-Donu, Foundation Publ., 2011, pp. 272—277. (In Russian)

16. Pyrkov V. E. Iz istorii vysshego matematicheskogo obrazovaniya na Donu. Nauchnaya shkola D. D. Mordukhai-Boltovskogo [From the history of higher mathematical education on the Don. Scientific school of D. D. Mordukhai-Boltovskoy]. *Sovremennoe obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern education: current issues, achievements and innovations]. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2016, pp. 21—47. (In Russian)

17. Pyrkov V. E. Mordukhai-Boltovskie: otets i synov'ya [Mordukhai-Boltovskoy: father and sons]. *Nauchnye i pedagogicheskie dinastii Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Scientific and pedagogical dynasties of the Southern Federal University]. Rostov-na-Donu, YuFU Publ., 2015, vol. 1, pp. 141—162. (In Russian)

18. Pyrkov V. E. Nauchnaya shkola D. D. Mordukhai-Boltovskogo: ucheniki i nasledovateli [Scientific school of D. D. Mordukhai-Boltovskoy: pupils and followers]. *Zhdanovskie chteniya* [Zhdanov readings]. Rostov-na-Donu, YuFU Publ., 2013, pp. 336—351. (In Russian)

19. Pyrkov V. E. O rabotakh D. D. Mordukhai-Boltovskogo po matematicheskoi biologii [About the works of D. D. Mordukhai-Boltovskoy on mathematical biology]. *Trudy X Mezhdunarodnykh Kolmogorovskikh chtenii* [Proceedings of the X International Kolmogorov readings]. Yaroslavl, YaGPU Publ., 2012, pp. 212—216. (In Russian)

20. Pyrkov V. E. Epistolyarnoe nasledie D. D. Mordukhai-Boltovskogo: perepiska s otechestvennymi i zarubezhnymi matematikami [Epistolary heritage of D. D. Mordukhai-Boltovskoy: correspondence with domestic and foreign mathematicians]. *Osennie matematicheskie chteniya v Adygee* [Autumn mathematical readings in Adygea]. Maikop, AGU Publ., 2015, pp. 182—189. (In Russian)

21. Samorukov B. N., Stepanova A. S. D. D. Mordukhai-Boltovskoi o zarozhdenii i razvitiu matematicheskikh idei (po neopublikovannym rukopisyam) [D. D. Mordukhai-Boltovskoy on the origin and development of mathematical ideas (according to unpublished manuscripts)]. *Istoriko-matematicheskoe issledovaniya* [Historical and mathematical studies]. Moscow, Nauka Publ., 1993, is. 34, pp. 184—193. (In Russian)

22. Chernyaev M. P., Nestorovich N. M., Lyapin N. M. Dmitrii Dmitrievich Mordukhai-Boltovskoi (1876—1952) [Dmitry Dmitrievich Mordukhai-Boltovskoy (1876—1952)]. *Uspexhi matematicheskikh nauk — Successes in Mathematical Sciences*, 1953, vol. 8, is. 4 (56), pp. 131—139. (In Russian)

23. Nalbandjan Yu. S. O dzialnosci profesora D. D. Morduchaja-Boltowskiego w Warszawie w latach 1898—1916. *XXII Szkola Historii Matematyki*. Krakow, Wydawnictwo Wydzialu Matematyki Stosowanie Akademii Gorniczo-Hutnicze, 1999. S. 162—168.